

A close-up photograph of a white cat's face, looking directly at the camera. The cat's eyes are a striking, glowing blue color. The fur is soft and white, and the background is a light, hazy blue.

Татьяна ЯШИНА

СВЕТЛЫЕ КОТЫ

16+

Татьяна Яшина
Светлые коты

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Яшина Т. А.

Светлые коты / Т. А. Яшина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Коты и кошки охраняют своих людей. Делают жизнь лучше. А все ли хозяева достойны своих питомцев? В рассказах этого сборника есть коты, кошки, путешествие на сто лет назад и на миллион лет вперед, злодейские преступления и чудеса самоотверженности. И любовь!

Содержание

Чисто ковидное хищенье	6
Гуппи	8
Далекий праздник	9
Не время для медведей	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

В оформлении обложки использована фотография Pexels <http://pixabay.com> по лицензии
CC0

Чисто ковидное хищенье

– Украли, украли! – рыдала Алька, вваливаясь в квартиру.

– Карту украли? – я бросился к жене, но вовремя остановился на границе грязной зоны.

– Не карту! – жена бухнула на пол туго набитый пакет из магазина и снова взвыла – так, что маска надулась на лице пузырем.

– Что, лимоны подорожали? На тебя кто-то чихнул?! – я запер кота в комнате и топтался в чистой зоне, дожидаясь, пока жена избавится от маски и перчаток. Сунув их в полиэтиленовый пакетик, висящий на трубке домофона, она наконец-то ответила:

– Нет, боже упаси. Никто не чихал. Лимоны подорожали, но я все равно купила.

– А чего ревешь?

– Творог раздавился. А все пиво твое! – перешла жена в наступление. – Когда уже насоешься!

– Аля... – я давно зарекся обострять отношения с супругой. Эта привычка здорово выручала меня на карантине. – Прости, дорогая. За все!

– Ага, – когда Алька по-детски шмыгает носом, я не могу на нее сердиться. – Протри тут все.

Пока она перетаскивала бутылки, банки и пачки в кухню, я протер дверную ручку и пол в грязной зоне спиртовой салфеточкой, отправив ее в пакет с использованной маской и перчатками.

На кухне уже шумела вода, а на столе выстроились вымытые бутылка молока, банка сметаны, два лимона, пакет семечек и четыре банки пива.

– Вот! Видишь? – Алька показала мне полураздавленную пачку творога, размазанную по магазинному пакету. – Твое пиво сверху лежало...

– Спасибо за пиво, родная, – я чмокнул ее в макушку. – А чего ты плакала?

– Так пакетик же! – опять выпятила Алька нижнюю губу. – Я в овощном их отмотала сразу много, для всего, раскрыла их, пока руки мокрые от санитайзера...

Какая же она все-таки молодец! Я вот не всегда у входа в торговый зал вспоминаю про санитайзер.

– Я взвешивала лимоны, – продолжала Алька. – Корзину на пол поставила. И тут тетка какая-то подошла к моей корзинке – и хватать мой пакетик! Раскрытый! Последний! Самой лень раздергивать!

– Вот зараза какая, – посочувствовал я. В одноразовых перчатках в прежние времена и свеклу-то на винегрет чистить было неудобно, а уж раскрывать в магазине пакетики... Но чтоб вот так, воровать чужое?

– Я ее на кассе выглядывала, хотела высказать, – продолжила Алька, споро протирая раковину пемолоксом, – да как узнаешь – все же в масках! А новый пакетик искать некогда – еле-еле успела твое пиво пробить до «сухого часа»!

Что поделать, удаленная работа заканчивается в шесть, а «сухой час», введенный губернатором на втором месяце карантина, – наступает в семь. Приходится поторапливаться.

Кот завыл и бросился на дверь.

– Ой, Парамошу-то выпусти! – спохватилась жена. Кот вырвался на свободу и принялся тереться об ее джинсы, вызвав новый гневный возглас: – Прекрати! Я еще в домашнее не переоделась, бестолочь! Лучше б собаку завели, с ней хоть гулять можно!

Надежда на мир в доме улетучилась, как спирт с перчатки. Жена заперлась в «шлюю-юпе» – в доковидные времена так называлась спальня – а я принялся восстанавливать порядок.

Отдал творог коту. Нашел в закромах рулон пакетиков.

Отматываю и раскрываю – как же это муторно даже без перчаток! Надо приготовить штук пятьдесят – у меня есть три дня до следующего похода в магазин.

Парамоша доел творог и презрительно на меня воззрился.

– Ты, Парамон, ничего не понимаешь! Лучше я эти пакеты подготовлю, чем Аля – те, – киваю на рулон столитровых черных, которые Аля зачем-то приобрела в начале карантина. – Ты знаешь, что в такой труп можно спрятать?

Гуппи

Одну девочку часто ругала мама.

Девочка делала уроки, сидя за своим письменным столом в их единственной комнате, а мама подходила сзади и, глядя в затылок девочке, начинала ее ругать. Поводы для ругани находились всегда: то девочка плохо вымыла посуду, то забыла купить молока, то не вытерла пыль с шифоньера. А уж уроки! Девочка вообще-то хорошо училась, но ее мама считала, что она может учиться лучше.

Мама все время видела спину девочки, и эта спина ей тоже не нравилась – сутулая какая-то, и плечи на разной высоте. Поэтому поводу мама тоже негодовала.

Встать, уйти или хотя бы повернуться к маме лицом девочке не разрешалось.

На столе у девочки стоял аквариум. Он был небольшой – стеклянный куб на десять литров – большой не поместился бы на рабочем столе, но густонаселенный. В нем жили три ярких суматранских барбуса с черными поперечными полосами и красными плавниками – хулиганы, носившиеся наперегонки по периметру, пара красных меченосцев – узкий, вооруженный мечом-плавником самец и степенная дородная самка.

И еще маленькая гуппи. Она была самой неприметной из всего рыбьего поголовья: светло-серая, с двумя коричневыми крапинами на коротком хвостовом плавнике, с круглым лоснящимся брюшком. Целыми днями она стояла в кустике перистолистника, выбрав место, где ее не задевали ни погони и салки хулиганов-барбусов, ни выяснения отношений четы меченосцев. И к кормушке она подплывала всегда последней, впрочем, много ли ей надо, такой крохе?

Она и в аквариум попала случайно – вылавливая самого крупного барбуса, продавец случайно зачерпнул сачком малька гуппи, да и вытряхнул в подставленную девочкой банку.

Малек, не привлекая к себе внимания, быстро вырос в самочку гуппи. На фоне растенный ее зелено-серая чешуя была почти незаметной, и характер тоже получился – незаметный. Она выглядела спокойной и всем довольной, часами стоя у задней стенки аквариума, вибрируя прозрачными плавничками и изредка, поведя чуть выпуклыми глазами, всплывала к поверхности, чтобы сглотнуть видимую лишь ей пылинку.

И у нее никто не стоял за спиной!

Девочка смотрела на нее и думала: как хорошо быть рыбкой – никто тебя не ругает, не вцепляется руками в плечи, встряхивая и заставляя выпрямить спину, никто не называет лентяйкой и бестолочью, не обещает сдать в школу-интернат...

Постепенно смотреть на рыбку стало у нее привычным занятием. При движении за спиной, когда красный халат матери обосновывался в отражении на стенке аквариума, и рукава приходили в движение – мать то простирала руки к небу, то протягивала их к объекту своего словоизвержения – зеленые глаза девочки находили в зарослях гуппи и уже не отрывались от нее на протяжении всего воспитательного сеанса.

Рыбка, казалось, слегка кивала девочке, а ее глаза смотрели кротко и сочувственно. В затененном уголке аквариума было тихо и спокойно, вода прозрачна, тихо вылизывали стекло улитки, тоненькой струйкой поднимались пузырьки со дна, слегка покачивалась на поверхности самодельная кормушка из пенопласта, белая сверху и позеленевшая снизу...

– Лучше бы я сделала аборт! – крикнула мать во время очередного скандала.

– Лучше бы я была рыбкой! – подумала девочка.

На следующее утро в аквариуме появилась еще одна маленькая гуппи, с двумя зелеными пятнышками на хвостовом плавнике...

Далекий праздник

– Ешь давай, ешь!

– Не могу уже...

– Ешь через «не могу».

Я правда сейчас лопну. Некуда! Не лезет.

– Это что еще за фокусы? – подключается тяжелая артиллерия – прабабушка. Ее могучий бас вызывает во мне дрожь. – Не будешь есть – не вырастешь! Смерти захотел?

Ей-то хорошо – она давно выросла, и ввысь, и вширь. А я сейчас лопну.

«Да лучше уж умереть!» – думаю я. Но сказать не решаюсь. Мал еще. К тому же, кажется, я нашел в себе силы съесть еще немного. Прабабушка довольна.

Скорей бы вырасти! Хотя бы как старшие братья – тонконогие, тонкошеие, но уже перешагнувшие рубеж, когда на каждом шагу подкарауливает смерть. Даже если их изуродуют, сделают обрезание – искалеченные тела выживут. Нередко век у таких очень долог, кто-то даже считает обрезание подарком судьбы... Но лично я предпочитаю сразу. Чем жить таким. Служить ежечасным мучительным напоминанием. Лучше пусть раз – и все. Чтоб ничего не осталось.

Как от моей сестренки. Она была совсем крошкой, когда ее убили. Пушистая макушка, гибкое тельце, тонкие пальчики... Самый лакомый кусочек. Запереть бы ее и других малышей в негоряемый сейф. И держать там, пока не вырастут. Но это невозможно – детям нужно солнце, свежий воздух.

Взрослым смерть не грозит – максимум нанесут увечья. Легкий вред здоровью, как говорится. Вообще-то полиция должна защищать нас, но... В мегаполисе столько всего происходит. За всем не углядишь.

Как ни заслоняли ее мои тетки и бабки, как ни прятали – сестренку заметили. В самую черную, длинную, морозную ночь за ней пришли. Хватило двух ударов.

Ее убийца спрятал в сумку туристский топорик, взвалил трупик на плечо и ушел. Пушистая макушка раскачивалась в такт его шагам и вскоре пропала во тьме, едва расцвеченной скачущими огнями гирлянд в окнах окрестных хрущевок.

Вокруг нашего парка в основном советская застройка. Так что скорей перерастить низкие потолки – самый надежный способ выжить.

Надо поесть. И вырасти. До Нового года еще далеко.

Не время для медведей

Будь он мутантом, его бы только стерилизовали.

Но мутантом он не был, хотя его глаза... Нечеловеческие какие-то. Он объяснял это тем, что его семья попала под радиоактивное облако. Но облучились не сильно, всем поставили вторую категорию, даже не третью. Значит, мутагенный уровень не превысил норму.

Хотя все это ложь – и объяснения про мутагенность, и вторая категория. И звали его по-настоящему не так. Хотя похоже. Но в моих мыслях он все равно со своим старым, ненастоящим именем.

У меня тоже вторая категория, как и у всей нашей группы.

У нас за год не было ни одного Дисциплинарного Взыскания, мы всегда занимались тем, чем положено. В игровое время положено знакомиться с устным народным творчеством – мы и знакомились.

Мы рассказывали сказки – кто какую вспомнит. Говорят, раньше сказки слышали от бабушек, но после Великого Восстановления Справедливости бабушек не стало: некоторые эгоистки умирают сами, а остальных отправляют на Пищевую станцию.

Словно крыса грызет мне кишки – каждый раз, когда я вспоминаю о том дне. И той сказке. Тогда я любил ее, хоть она и не наша, а вьетнамская. Говорят, от Вьетнама осталась лишь дыра на месте Ханоя – столицы. Не особенно даже большая – не то что от Нью-Йорка. И еще вот эта сказка осталась.

Давным-давно жила-была жаба. Каждое утро она купалась в огромном озере. Но однажды озеро пересохло. Пришли на водопой звери: слон со слоненком, тигр с тигренком, медведь с медвежонком, бык с теленком, лиса с лисенком. А пить им нечего. Как найти воду? Тут жаба и говорит:

– Не беда! Тут рядом речка есть – идите за мной!

Пошли звери за жабой, пришли к речке – а от речки один ручеек остался, вот-вот пересохнет. Не успели звери напиться, как вода кончилась.

– Не беда! – сказала жаба. – Тут рядом колодец есть, идите за мной!

Идут звери за жабой – солнце палит, лапы заплетаются. Устал слоненок, устал тигренок, устал медвежонок, устал теленок, устал лисенок. Вывалили языки, дышат тяжело, идти не могут.

– Мою маму так эвакуировали из Квинсленда! – встрял Толстяк. – Вода по карточкам, и только детям до шести лет!

– Заткнись, толстый!

– Сто раз уже слышали! – всем хотелось сказку.

Пришли звери к колодцу. А там – ни единой капли! Только огромная змея высунула из колодца голову и говорит:

– Тысячу тысяч лет спала я на дне, но вся вода ушла! Что делать?

– Слушайте меня! – сказала жаба. – Раз вся вода на земле кончилась – надо идти к Повелителю Неба его заоблачный чертог!

– А как мы доберемся туда? – спросили звери.

– Я вам помогу! – сказала огромная змея и начала разматывать свои кольца, пока не дотянулась до края облака. – Ступайте по мне, звери, да попросите у Повелителя Неба, чтобы вернул на место всю воду на земле!

Жаба посмотрела на зверей и сказала:

– Всем идти не нужно. Тигр, медведь и лиса – ступайте со мной. А остальные – ждите здесь. Берегите детей!

Мне всегда трудно дается это место – голос становится тоненьким, как у девчонки. Хотя я родился после Великого Восстановления Справедливости, но хорошо помню, как рассказывала мама – после ядерного удара спасали только детей. Ее вывезли из зоны поражения, а вся остальная семья осталась там. Мама, папа, старшая сестра – ей уже исполнилось четырнадцать, и старенькая бабушка.

Стыдно, но я ничего не могу с собой поделать – глаза щиплет, в горле словно протеиновый кубик застрял.

Вот тут он и вмешался. Кто же знал? Тогда я был ему благодарен, притворился, что у меня разыгралась аллергия на радиоактивную пыль – часто бывают приступы, хоть после удара по Москве прошло уже сорок лет. А он продолжил рассказывать.

Вот поднялись звери на облако, смотрят – впереди дверь в чертог Повелителя Неба. Открыла жаба дверь и вошла в чертог. А навстречу ей – боевые петухи:

– Убирайся отсюда, жалкая тварь! Кто ты такая, чтобы беспокоить Повелителя Неба?

– Ну что ж, сразимся! – сказала жаба. – Я только надену свой боевой доспех!

Остановились петухи. Пропустили жабу, чтобы та надела боевой доспех. Шмыгнула жаба за дверь и подала знак лисе. Та как выскочит – от петухов только перья полетели!

Испугались петухи, побежали. А на их место выскочили боевые псы! Испугалась лиса, но виду не подала.

– Сразимся! – сказала лиса. – Я только надену свой боевой доспех!

Остановились псы. Пропустили лису, чтобы надела она свой боевой доспех. Шмыгнула лиса за дверь и позвала тигра. Раскидал он псов, как рисовую солому! Те поджали хвосты и разбежались. И тут навстречу вышел дракон!

Увидел тигр дракона – испугался, но виду не подал. Сказал:

– Сразимся! Я только надену свой боевой доспех!

Убежал тигр. Позвал медведя. Вышел навстречу дракону медведь.

Я все еще старался не зареветь, и поэтому не сразу понял – что-то не так.

Разве в сказке с драконом бился медведь? Ведь это по плечу только самому сильному зверю...

Рассказчик вдруг замолк. Его странные глаза расширились – он глядел на того, чья тень упала на площадку. Мне не надо было оборачиваться, по опущенным плечам и застывшим спинам сразу понятно – подошел Господин Надзиратель.

– Если вы расскажете эту сказку *правильно* – вся группа только лишится ужина. В противном случае будете наказаны, – от голоса Господина Надзирателя и ртуть бы застыла.

Все глядели на меня. С надеждой. И только он – с грустью, словно прощаясь, отвел свои странные глаза. Хотя что в них было странного, кроме цвета? Веки – такие же, как у нас – потому что ему делали пластическую операцию, как мы потом узнали. И ему, и его родителям. И чипы у них были поддельные. Но генетический анализ не обманешь – они не имели права жить на Территориях Справедливости. Хирурга тоже нашли и тоже вне очереди отправили в Пищёвку.

Я побыстрее откашлялся и продолжил с того места, где было неправильно:

– Сразимся! – сказала лиса. – Я только надену свой боевой доспех!

Остановились псы. Пропустили лису, чтобы надела она свой боевой доспех. Шмыгнула лиса за дверь и позвала медведя. Раскидал он псов, как рисовую солому! Те поджали хвосты и разбежались. И тут навстречу вышел дракон!

Увидел медведь дракона – испугался, но виду не подал. Сказал:

– Сразимся! Я только надену свой боевой доспех!

Убежал медведь. Позвал тигра. Вышел навстречу дракону тигр.

Я не оборачивался на Господина Надзирателя, но видел, как его черная тень кивнула. Затем тень протянула руку и указала провинившемуся выйти из круга.

Горло у меня враз пересохло, но я продолжал рассказывать.

Пока тигр бился с драконом, жаба прощмыгнула к престолу Повелителя Неба. Взмолилась жаба:

– О великий Повелитель Неба! Взгляни на землю – ни одной речки не осталось, ни единого озера, ни единого ручейка!

– Ну что поделать, – вздохнул Повелитель Неба. – Мы с госпожой Засухой в шахматы играли. И я все проиграл, всю воду на земле – и речки, и озера, и ручьи.

– А сердце свое ты тоже проиграл? Неужели придется нам теперь пропадать?

– Ну что поделать, не везет мне сегодня... – покачал головой Повелитель Неба.

Жаба подумала и сказала:

– А дождь вы тоже проиграли?

– Нет, про дождь мы даже не вспомнили, – обрадовался Повелитель Неба.

Госпожа Засуха не могла отказать Повелителю Неба, и они сыграли еще одну партию. Повелитель Неба выиграл. Тут же за клубились тучи, ударили молнии и начался дождь. Да такой сильный, что сразу наполнил все реки, озера и ручьи.

– Спасибо тебе, о великий Повелитель Неба! – поблагодарила жаба.

– В следующий раз, уважаемая жаба, когда вам придет нужда в дожде, не нужно сюда подниматься. Вы мне снизу покричите! – сказал Повелитель Неба. – Я услышу!

И теперь, когда жаба громко квакает, люди понимают – скоро будет дождь.

Я едва слышал, что говорю. Все думал – почему Господин Надзиратель так разгневался?

Мы узнали все гораздо позже, когда и вспоминать почти перестали. Хотя нет – я не перестал. Я до сих пор вспоминаю, какие у Ван Юнсяня глаза – говорят, раньше такой цвет был у неба.

*Вьетнамская народная сказка, по ней есть советский мультфильм «Скоро будет дождь», 1959 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.